

18+ Андрей Урбанович

ЗАСМОТРЕЛСЯ НА ВРЕМЯ...

Книга стихов

Андрей Урбанович Засмотрелся на время... Книга стихов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33168247
ISBN 9785449021144*

Аннотация

Эта книга стихов Андрея Урбановича – результат работы нескольких лет. Автор философ, и стихи его размышления о жизни, о своём месте в сегодняшней системе координат... Стихи о театре – отдельная тема в творчестве поэта. Тонкий юмор и элемент самоиронии неотъемлемая часть его творчества. «Когда б вы знали, из какого сора растут цветы...», – говорил классик. Читайте.

Содержание

Рифмы	7
Молитва художника	7
«Как давно всё это было...»	9
«Разлуки бремя...»	11
Медитация в летнем небе	12
«Нас больше нет...»	13
«Лето маялось, билось изжогой дорог...»	15
«Я возвращусь в твою обитель...»	17
«Покуда шелестят страницы...»	18
«...И бросил я в землю драконии зубы...»	19
«Идёшь осторожно, по рысьи...»	21
«Градом радуют...»	22
«Это сказки о разлуке...»	23
Соблазн	24
«...И я проснулся. До зари...»	25
«Костлявая зима...»	26
Илиада	27
«На восходе леденелом...»	30
«Расскажи, расскажи, нашепчи...»	32
«Дождь падает наискосок...»	34
«Ночь, а не спится...»	35
«Играет Ангел на трубе...»	36
А-ля Сен Жермен	37

«Идущий на встречу Летящей стреле...»	39
Набросок	40
«Поверил теперь или нет?..»	41
Ожидание —	43
«Не выжить жажду — просто жить...»	44
«Свет дня рождает близорукость...»	45
«Вплетается тайна иная...»	46
В картине и вне	47
«Вращает солнце колесо...»	49
Шёпотом	51
«Есть серебро, поющее над бездной...»	52
Рассечённый идол	54
«Точит, очень метко, очень...»	55
«Шёпот огня ...»	56
«Темнота зрачка к белизне тела...»	57
«Душа — виолончель...»	58
«У излучин зим ...»	59
«Ты не жалуйся, не сетуй...»	60
«Развоплощённая мечта...»	61
Осколки	63
«Взрыв поступательных волн из груди ...»	65
«Растерта горстка пепла на ладонях ...»	66
Оракул Странника	67
Археолог	69
Ловец Луны	72
Тень	73

Параллельный марш	74
Сентябрьский джаз	75
Попытка прозрения	76
«Всё оплачено плачем...»	78
«Замело мою горницу ржавой листвой...»	80
«За этот год я не сошёл с ума...»	82
Пробуждаясь	83
«Я поставлю за твоё здоровье свечку	85
Господу...»	
«Опять звенит сентябрьская листва...»	86
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Засмотрелся на время...

Книга стихов

Андрей Урбанович

*Позволял своим связкам все звуки,
помимо воя; перешел на шепот.*

И. Бродский

© Андрей Урбанович, 2018

ISBN 978-5-4490-2114-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рифмы

Молитва художника

Бог, не дай мне ослепнуть от счастья!
Бог, не дай пустозвонства от бед.
Да не буду блуждать я в ненастье,
не ослепит – прозрит белый свет.

Бог, не дай мне упиться удачей!
Бог, не дай мне смириться с собой,
и избавь меня, Боже, тем паче
от поклонов пред праздной толпой.

Не отдай меня сытым в забаву!
Если смех, то лишь яростный смех.
Не хочу стёртой истины ржавой
повторять... на потребу... для всех.

Помоги мне раскрыть себя, Боже!
Если можно, открой свой секрет:
помоги, чтобы людям я тоже
помогал, ограждая от бед.

Бог, не дай озверенья у власти,

Бог, не дай отупенья от бед,
чтоб творил не мазила, а мастер,
но избавь от тщеславных побед.

Не дозволю мне сгореть без остатка
в огневище лукавых страстей!
Не унизь до округлости сладкой,
до корыстных, ничтожных затей.

Не прошу, не ищу снисхожденья,
но молю среди счастья и бед:
сохрани мне душевное зренье,
огради от тщеславных побед.

«Как давно всё это было...»

Как давно всё это было,
всё зима припорошила.
За окном от стуж белёсым
облетевшие берёзы
на ветру окоченели
и качают их метели.
Занавесят звёзды окна,
свет луны свои волокна
разметает во мгновенье,
в блёклом лунном отраженье,
словно в зеркале разбитом,
промелькнёт сюжет забытый...
Как давно всё это было!
Время било – не разбило.
И печаль, и радость разом
предо мной одним рассказом:
где дожди хлестали – ждали,
где встречали и прощали...
По земле оледенелой
снег взбурлил позёмкой белой
и, крупой слетая с крыши,
шепчет что-то. Что? Не слышу.
Во дворе, забившись в угол,
тяжело вздохнула выюга.
Так в узор единый свиты

те разлуки, те обиды —
всё, что мной тогда владело...
А над стужей оголтелой,
ожидая, сердце стыло...
Как давно всё это было.

«Разлуки бремя...»

Разлуки бремя,
часы молчат —
я умер на время,
покинув свой град.

Улиц пустыни,
комнат покой —
я умер, я ныне
предстал пред собой.

Отяжелела,
свой суд верша,
и бросив тело,
сбежала душа.

И приведеньем
бросает зов,
и вьётся тенью
у милых домов.

Медитация в летнем небе

Сквозь штрихи качающихся веток,
забывая вездесущность звука,
на траве, закинув в бездну руки,
я лежал и вглядывался в небо.

Я лежал... Нет, я вживался в небо,
в магнетизм цветов и ход планеты,
рафинадом, окунувшись в лето
растворился, словно бы и не был.

Языком единым от создания,
шелестя, листва лесов шептала,
и на синем своде проступало
очертанье формулы познания...

То ли глухо каркнула ворона,
дерево ль корнями проскрипело,
или туча платьем бальным белым
зацепилась за верхушку кроны...

Сонно от пространства отделившись,
кристаллизовавшись снова в тело,
я увидел, как душа блестела,
голубой воды небес напившись.

«Нас больше нет...»

Нас больше нет
в городе этом...
Падает свет
за силуэты
древних домов —
тянутся тени.
Всхлипами вдов
ветер осенний.
Легким дымком
по тротуарам
мы побредём
в городе старом.
Взгляд наш знаком
с обликом парка,
мы проплывём
жёлтую арку...
Вечер сожжён,
падает осень —
в чей это сон
вторглись без спроса?
Клёкот ворон
в доме барачном —
чей это сон?
В хламе чердачном
ветхий портрет —

чьи это лица?

Их больше нет,

нам это снится...

«Лето маялось, билось изжогой дорог...»

Лето маялось, билось изжогой дорог,
и гудрон прилипал к башмакам,
отлетая от шин, ветер сыпал песок
мне в глаза и хлестал по бокам.

Было вольно и жутко, и всё решено.
Я себя не любил, не карал,
и уже был не здесь, и уже был давно
по ту сторону зла и добра.

В окружении века – пред глыбами плит,
в этом хаосе, рёве машин
был я счастлив, что жив, не забыт, не убит
и шагаю бездумно один.

По крупицам песка, по осколкам листвы,
тротуарам, расплавленным в воск,
вдоль жаровен кипящих людьми мостовых,
нёс я свой полыхающий мозг.

Было жарко безумно и всё решено...
Сумасшедшая музыка дня
наполняла азартом, и Некто – Иной

вёл незримой рукою меня.

«Я возвращусь в твою обитель...»

Я возвращусь в твою обитель,
дойдя до края всех дорог.
Я возвращусь в твою обитель,
переступлю через порог

отброшу пыльные одежды,
омоюсь чистой водой,
и снова, снова стану тем же —
когда-то созданным тобой.

Ты спросишь... Я скажу: «Дороги
ведут, похоже, в никуда».
Ты взглянешь пристально и строго,
как в облака глядит вода.

«Покуда шелестят страницы...»

Покуда шелестят страницы,
предполагая звездопад,
и Ангелов прекрасных лица
над нашим шариком парят —

определение удела
вершиться в вареве веков,
томись напуганное тело
и рвись за млечность холодов.

Ещё не настоялись травы,
и поступь верная легка —
дурман губительной отравы
бессилен, до тех пор пока

пороги ночи освещая
горит светильник, и в тиши
Звонарь во звоннице качает
тяжёлый колокол души.

«...И бросил я в землю драконии зубы...»

...И бросил я в землю драконии зубы,
ростки поднялись над землёй,
и смерчи взревели, да грянули трубы,
да воины встали стеной.

Их лица спокойны, жестоки, зеркально
глаза отражают металл,
и старый мой сад опустел моментально,
и был подожжён, и пылал.

А воины в мой древний город входили,
разграбив, спалив всякий дом,
но только в насмешку меня пощадили,
на память ошпарив хлыстом.

Я крался за ними, я клялся святыми:
«О, нет, не хотел!..» Только звон
мечей и щитов, оглушая пустыни,
твердил: «Это твой легион!»

А лезвия копий дрожали, как кроны,
и гибло живое и твердь.
Но был лишь один я на жизнь осуждённый —

садовник, посеявший смерть.

«Идёшь осторожно, по рысьи...»

Идёшь осторожно, по рысьи
по снегу меж серых стволов
и боль ненаписанных писем,
и тяжесть несказанных слов

вдруг грянут – торжественно, властно,
потянет вернуться назад,
да только, дружочек, напрасно —
тропинку замёл снегопад...

«Градом радуют...»

Градом радуют
звёзды слёзные...
Дышат ладаном
ризы сонные.

А влюблённые,
поцелуями
опалённые,
разбредаются.

И сердца их – знак
к продолжению,
кружит Зодиак
в мглу осеннюю.

Но едва ль они
знают силу слов,
и сгорают дни,
как охапка дров.

Даль бездонная
тайной канула...
А влюблённые
безмятежно спят.

«Это сказки о разлуке...»

Это сказки о разлуке,
это горечь лебеды,
это древние науки
расщепленья немоты.

Как войдёшь, увидишь ясно
и попробуешь на вкус:
страстность плавится в бесстрастность,
минус переходит в плюс.

Соблазн

Когда к тебе взывает разум,
мосты взрывая к вожделенью,
под прессом всех твоих соблазнов
сознание войдёт в дробленье,

и ты ещё не видишь глазом,
но чуешь близость водоёма,
и часть твоя метнётся плазмой
в дыру оконного проёма,

цвета рельеф приобретают,
а звуки вес, и беспрестанно
тебя, как пламя раздувают —
так мозг мутит марихуана...

Последний всплеск сорвёт лавину,
сметая всё, поток несётся —
в людей дробятся исполины
под дуновением эмоций.

«...И я проснулся. До зари...»

...И я проснулся. До зари
одно мгновенье. Тихо, мудро
торжественные фонари,
свет рассыпая, ждали утро.

Как в первый раз увидел вдруг
я стены комнаты, предметы
и люстры серпантинный круг,
и потолок в полосках света...

Гудел будильник за стеной,
а где-то там, за переулком,
скрёб дворник улицу метлой,
и шорох разносился гулко.

И почему-то я решил:
сей миг – есть поворот событий —
исходный миг. И уходил
мой прежний мир, мой мир забытый.

«Костлявая зима...»

Костлявая зима
уносит мою смуту,
в её руке сума,
в её часах минута

ещё побыть со мной
и прочь дорогой дальней,
по ниточке льняной,
до комнаты хрустальной.

Илиада

Огнём переполнялась Троя.
Восхода пена через край.
Они сошлись. Их было трое:
Парис, Елена, Менелай.

Ни воля Феба и ни Зевса,
во град, пылающий в печи,
свело их женское кокетство,
и искры сыпали мечи.

Парис убит. Теперь их двое.
Они стоят лицом к лицу.
Окрест их плачет, воеет Троя,
гуляет пламя по дворцу.

Но даже кровь застыла в венах,
когда промолвил царь: «О, бред!
Чужой ты стала мне, Елена».
А позади десяток лет...

Десяток лет кровавых споров,
размолотых костей, костров
на алтарях и уговоров
друзей и ветреных богов,

и колесо бессонниц, пытка
ухмылок сальных, пьяных драк,
и тщетность вычислить по свиткам
ход ослепительных атак.

Когда пришла удача в сети,
Зевс время завязал узлом —
в утробе конской ждал столетья
данайский лев перед броском...
«Пора свершения закона!» —
подумал он, в момент когда
с клинком разящим шёл сквозь стоны...
И вот он здесь, и – пустота.

Дрожал рассвет в руинах Трои,
свой танец завершал огонь,
в его лучах, в победном зное
отгарцевал троянский конь,

присыпанный багровой пылью...
Трофеи, женщин и рабов
в округе воины делили...
Вдоль угасающих костров,

рядами улиц разорённых
брёл Менелай, брёл, как во сне,
осознавая изумлённо
свою причастность к сей возне.

Он вглядывался в лица пленных
и с ними ощущал родство...
А в след царю плелась Елена,
сама не зная для чего.

«На восходе леденелом...»

На восходе леденелом
я покину своё тело.
Я покину своё тело,
непривычно, неумело
полечу над куполами

к дальним и желанным странам.
За спиною град мой канет,
и земля уйдёт с туманом,
и покажется мне странным
эта лёгкость, эта сила.

Бестелесный, невесомый
буду созерцать хоромы,
обдуть дворцов колонны.
Пара дней, ночей бездонных
мне покажутся дарами.

А на третий день уделом,
в полдень солнечный и спелый,
возвратится снова в тело,
оживая неумело
перед вырытой могилой.

И опять под куполами

эта лёгкость, эта сила,
мне покажутся дарами
перед вырытой могилой.

«Расскажи, расскажи, нашепчи...»

Расскажи, расскажи, нашепчи
в этой дикой, чужой, непроглядной,
вышибающей память, ночи
о грядущем моём неотвратном.

Расскажи мне, прошу, расскажи,
как я буду тонуть и спастись
от удачи, печали и лжи,
как часы прохрипят мне: двенадцать.

Расскажи и солги мне о том,
как несётся в грядущее счастье,
где омытый июльским дождём
побреду я без рабства и власти.

Я поверю на миг и на век
твоим притчам, как шёпоту листьев,
как часам совершающим бег,
как в последний спасительный выстрел.

Я поверю и буду спасён,
обнесённый проклятьем и славой,
будь то явь или розовый сон,
я упыюсь этой сладкой отравой.

И слова, словно издалека,
непокой разрывая сонливый,
пусть наполнят меня, как бокал,
пусть усну безнадёжно счастливый.

«Дождь падает наискосок...»

Дождь падает наискосок,
пронзая стрелами просторы,
вплетая в ритмику дорог
риторику свою, и скоро

темнеют очертанья дня,
и, влагу пробуя стопами,
бежит по рекам, семена,
людовое племя – муравьями.

Текучесть – качество воды,
предметы, становясь туманом,
растапливаются, как льды,
для единенья с океаном,

и нет оставленных пустот —
всё обращается к Началу,
где медленно ковчег плывёт
и ищет новые причалы.

«Ночь, а не спится...»

Ночь, а не спится...
Птицами лица
перед глазами
сами
собой замелькают,
в памяти тихо растают,
звуки сумрак загладит,
в небе луна – оладьем
тянет ладони света...
Лето.

Падая, мчится
звёзд колесница,
в небе отвесном
тесно
от звёздного света.
Древних припомню приметы,
не поверив заранее,
я загадаю желание:
слово заветное с уст...
Август.

«Играет Ангел на трубе...»

Играет Ангел на трубе,
бросая звёздочки играя,
тебе и мне, мне и тебе —
ушедшим, изгнанным из Рая.

И истекая звуком, медь
парит и ослепляет звонко,
ей сладко, кажется, гореть,
бежать по улице ребёнком,

заглядывать под каждый лист
и в лица проходящих мимо,
ровная мудрость и каприз
во времени непостижимом.

А-ля Сен Жермен

В те века я презрел многосложность,
вопросительный знак гнутых спин,
капельдинеров мятые рожи
и гусиную кожу графинь.

Я был ярим повесой и шпагой
не владел, а, скорее, играл,
да ещё слыл искуснейшим магом
и носил философский кристалл.

А однажды, вернувшись с Востока,
стрижен коротко, как бедуин,
приучил короля к листья коки
и показывал жёлтый графин,

в коем прятался, по увереньям,
джин персидский – могучий вулкан.
Я поставил весь двор на колени,
напугал пять враждующих стран...

И покуда жевал листья коки
самодержец, как бык племенной,
королева, последней кокоткой,
кувыркалась на ложе со мной.

В эти дни я забыл осторожность,
и вельможи при утреннем сне
в меня втиснули шпагу, как в ножны —
плату взяли по полной цене.

«Идущий на встречу Летящей стреле...»

Идущий на встречу Летящей стреле,
вдоль красного поля, по шаткой земле,

что ищет, преследует сердце твоё,
поймёшь ты, когда тетива пропоёт.

Поймёшь, что вещала лесная свирель...
Шаг верен и лёгок. Стрела – твоя цель
Стрела твоё сердце, ему суждено
с Летящей стрелою сплотиться в одно,

она не отдаст тебя грязной петле!
Идущий навстречу Летящей стреле.

Набросок

Она вошла... Теплом её дыхания
(так греют руки) пробудился дом,
и, ощутив своё существование
под неуклюже брошенным плащом,

вздохнуло кресло. Время потерялось,
как лопасти в вращениях винта,
и медленно пружиною сжималась
готовая вернуться пустота.

«Поверил теперь или нет?..»

Поверил теперь или нет?
Становится время дороже
лишь только с течением лет,
и ценишь упрямей и строже
удачи в течениях бед.

Несомый потоками рек
оценит сухую рубаху,
а счастье прожить долгий век —
поймёт обречённый на плаху,
а сон – не смыкающий век.

И вспомнишь забытых друзей
в промозглом, промёрзшем вокзале,
и встретившись с тенью своей,
восполнишь их облик в деталях
под грохот железных путей.

Вот так обретают свой вес
водою набухшие вёсла —
и трудно, и больно, но в срез
течения учат ремёслам
на стыке земли и небес.

Увидел теперь или нет,

что поступь становится строгой
лишь только с течением лет.
Всё реже клянёшься ты Богом,
но чаще выходишь на свет

и веришь, что всякий узор
поймёшь и оценишь наверно,
но знаешь, чем цепче твой взор,
тем реже берёт он на веру —
потоки меняют свой сор.

А хочется просто смотреть
и плыть по пространству лучами,
но утром вдруг радиосеть
поймает тебя новостями,
и страшно уже не успеть...

Ожидание —

это безотчётный отказ,
оживает в теле шаман,
и глядит испуганно глаз
в океан потерянных стран,

это непрерывность и рост,
и закономерность волны,
отражают капельки рос
наводнение полной луны,

и струится тёплая мгла —
вьётся беспредельности вязь,
и тончайшей грусти игла
обретает странную власть...

И сдаёшься. Кутаясь в плед,
постигаешь пластику змей,
но выводит взгляд силуэт
в плоскости безмолвных дверей.

«Не выжить жажду – просто жить...»

Не выжить жажду – просто жить
смешно ль... нелепо... мудро...
Вчерашний сор не ворошить,
не ворожить на утро,

но как родившийся едва
вдыхать сей мир и слушать,
учиться заново словам,
забыть, как ужас сушит.

Читать и в пропасть между строк,
и в бездну многоточий
уметь упасть. А в оный срок,
однажды... между прочим

встав из-за старого стола,
чтоб дня вдохнуть остаток,
почувствовать, как два крыла
восходят от лопаток.

«Свет дня рождает близорукость...»

Свет дня рождает близорукость,
уста устанут говорить,
и тело, потеряв упругость,
обмякнет в вареве зори.

Днём видишь не людей – проблемы
и формы видишь, но не суть.
А в полночь входит Бог и Демон
в твою распахнутую грудь.

«Вплетается тайна иная...»

Вплетается тайна иная,
сравнимая с миром стихий,
и вот ты уже понимаешь
весь сговор земли и реки.

О, это врождённое свойство,
и всё ж неестественный дар —
лететь, ощущая геройство,
на свет разрушающих чар.

Отторгнуто право на робость —
не просьба звучит, а приказ,
и, выскользнув, падает в пропасть
так долго искомый алмаз.

В картине и вне

1.

От плит шоколада,
до мраморных плиток —
и лёгкой прохладой
нам выплавит свиток

в развале проталин
инерция света,
распадом спектральным
сбежавшего лета.

2.

Один в поле волен
вершить, что придётся —
заплакать от боли,
обжечь белым солнцем —

служители плоти
и воины духа
свободны в охоте
и выборе пуха.

3.

А девы наденут
наряды из ситца,
и мягкие тени
окрасят их лица,

и юноши в полночь
войдут в их покои
и даже не вспомнят,
что там за рекою...

4.

А там за рекою,
за млечным потоком
сучает изгоем
Творец синеокий,

глядится в картину
забытую будто —
Он кисть отодвинул
и ждёт Абсолюта.

«Вращает солнце колесо...»

Вращает солнце колесо,
проходит старая с косой,
а некий Странник золотой
глядит, как ветер рвёт листву.
Он не отшельник, не святой,
он – просто есть, его зовут

по имени, по именам,
он многолик, и странно нам,
что мы его не узнаём,
когда является он вдруг
и просит комнату внаём,
мы реагируем на звук

его шагов и слов, что в том?..
Ведь мы его не узнаём,
когда садясь за общий стол
ломаем хлеб и пьём вино,
и видим – это он пришёл,
но не узнаем всё равно,

зачем явился он в наш дом,
куда отправится потом...
Нам не взойти в его костёр,
и не пройти его тропой,

ведь никого он до сих пор
не брал в попутчики с собой.

Шёпотом

Я прошу, не спеши...
Время – тихий паром,
и разбитый кувшин,
и шальное перо...

Если хочешь, взгляни
через край темноты,
в тишине утони,
там где я и где ты,

там где осени сон
сотворил чудеса,
там где замерло всё
в удивлённых глазах...

Но ни там мы, ни здесь,
нас придумал Поэт —
эта странная весть,
что на свете нас нет.

«Есть серебро, поющее над бездной...»

Есть серебро, поющее над бездной,
и темечко младенца помнит звук,
вибрации небесных струн отвесных
и полноту раскинувшихся рук.

Ведомые видением сквозь воды
событий, убегающих в песок,
искатели объезда или брода,
нас беспокоят даты или срок...

Поставит грусть печать свою на очи,
а смех – морщинки жёсткости у рта,
горб за спиной вернее напроорочит
чем гороскопы. Прошное – всегда.

А струны серебрятся и играют —
вот вертикаль, творящая мотив,
его услышишь, замерев у края,
и вызубришь, когда придёт прилив,

и уповая, как всегда, на случай,
на счастье может или на беду,
вновь будешь ждать таинственных созвучий,

кляня свою земную глухоту.

Рассечённый идол

Сделал выдох,
забыл про вдох —
рассечённый идол,
прошлогодний мох,

поздно для плоти,
но рано для духа —
пустынник, охотник,
частичка пуха,

вернее сказать:
частица праха —
немного отваги,
немного страха,

возвращался к началу
вдоль мёртвого русла —
сердце молчало,
слушая Музы.

«Точит, очень метко, очень...»

Точит, очень метко, очень,
через чур, и чур меня,
звонче меди, меди звонче,
жгучей белого огня.

Гнев – гниение – гиена,
гарь и копоть полуфраз,
копится морская пена —
заморочит Майя нас,

колобродит ропот улиц,
нарастающий в мозгу,
кружит улей, пчёлы пулей
у виска и по виску...

Наши песни неуместны,
обеззвучены уста,
станем мы водою пресной,
обратится в пар вода

и уйдёт на сине небо,
ненадолго, как всегда
после зрелищ, после хлеба
с неба падает вода.

«Шёпот огня ...»

Шёпот огня —
первичный фон,
ты знаешь меня,
я — это он.

Пляски ветров
в песнях воды,
ты знаешь без слов,
я — это ты.

Ярче заря,
громче волна —
промолвят моря:
Жизнь солона.

В небо рукой,
в бездну стопой —
останусь такой,
пока с тобой.

Я — это сон
твой обо мне, —
поёт в унисон
голос в огне.

«Темнота зрачка к белизне тела...»

Темнота зрачка к белизне тела
стремится
не зная предела.
Вздрогнут ресницы.

Купанье нагими – шаг осторожен
в озёрах...
Белизна. Дробь дрожи.
Зеркало взора

заливает свет. В голубой купол
взвихрится
лепет. Тают губы.
Вздрогнут ресницы.

«Душа – виолончель...»

Душа – виолончель,
раскачай
качели детской печали
моей —

от земли до звезды
маятник маяты...

Виолончель – душа,
слушаю не дыша,
в устье сердца
впадает грусть,
разрастаясь внутри,
пусть...

Забери меня
и верни,
раскачай,
но не урони
невзначай...

«У излучин зим ...»

У излучин зим —
за плечом разлука —
полечу, как дым,
над стеклянной выюгой.

Что ты шепчешь мне,
маятник качая?..
Что ты шепчешь — мне?
Или ей — печали?

Вижу ли тебя
или брежу в полдень?..
Вижу ли тебя
или просто — помню...

«Ты не жалуйся, не сетуй...»

Ты не жалуйся, не сетуй,
ни молитвы, ни обет
не помогут в свете этом —
странный этот белый свет.

Белым пишем мы по чёрту,
чёрным лепим набело,
кто из нас какого сорта?
Не понять – не рассвело.

Тот плетётся еле-еле,
к небу не подняв лица,
тот обиду носит в теле,
этот – девять грамм кольца.

Только человек – комета,
не читая древних «ВЕД»,
обгоняя скорость света,
попадает на тот Свет

и сей миг летит обратно,
словно маятник в луче,
прошибая воздух ватный,
с Ангелочком на плече.

«Развоплощённая мечта...»

Развоплощённая мечта
отбродит в полусонном теле,
и грянут хором города
в астрале на крыле метели.

Ты скажешь: «Всё! Пускай к святым
уёдёт, что не было и было...»
Но это дым, всего лишь дым
пред восхождением светила.

Вновь, погружаясь в смысл вещей,
ты примешь Колесо Вращения,
где камень крутится в праще,
ещё не выбрав направленья,

где можно в общем рассуждать
и беспредметно распыляться
за пядью пядь и вспять опять,
и возвращаться, и вращаться...

А хочешь знать, так не дыши
и ощути, как это страшно —
уйти, хотя бы на аршин,
покинув черепушку башни,

тогда в орнаменте чела
читаешь числа, так бывает,
и понимаешь, что пчела
ужалит раз и умирает,

тогда взираешь на Ловца
и соглашаешься: Я – пленник,
и нет предела, нет Венца —
за ВОСКРЕШЕНЬЕМ понедельник.

Осколки

Быть может забава,
а может напасть
на сонные травы
безмолвно упасть.

Мы бросились в омут,
мы там разберём
наш жребий искомый —
с людьми?.. со зверьём?..

Мы метили смело,
нас в прах размело,
как крапинки мела,
как ветром стекло...

Нам не было страшно
лететь — на куски,
мы были отважны
в припадках тоски...

В такой карусели
едва ли поймёшь,
покуда ты в теле,
где правда, где ложь...

Ведь если не сгубят
ни пряник, ни кнут,
нас в розницу купят
и оптом сдадут...

В такой круговерти
бессменной зимы
попросим у смерти
минуту взаймы...

«Взрыв поступательных волн из груди ...»

Взрыв поступательных волн из груди —
радиус сердца неизмеримый.
Мир сквозняков. Здесь возможно пройти
заново в прошлое — тайно и зримо.

Стрелы событий пронзают насквозь,
и начинают миры повторяться...
Только уже не участник — ты гость,
волен заплакать и засмеяться.

Брошенный камень — круги по воде,
кольца замрут на сухой древесине,
здесь всё в движении — здесь и нигде:
ныне и присно, во веки и ныне...

«Растерта горстка пепла на ладонях ...»

Растерта горстка пепла на ладонях —
никто не тронет шёпот трав сухих.
Залистанный до дыр отброшен сонник,
зной раскачал кузнечные мехи —

то раскалённый шар свалился с неба,
меняя цепь событий и времён,
уже и не до зрелищ, ни до хлеба,
и звон застыл — истошный медный звон.

И ты готов для оправданья к драке,
отчаявшись укрыться от погонь,
но пятятся, клешни расставив, раки,
горящий пепел жжет твою ладонь.

Но горстка пепла в свиток обратится,
заговорят святые письма:
Никто не остановит колесницы,
не вспомнит неприснившегося сна.

Оракул Странника

В пустотах вёрст найдёшь свой остров...
Одежды ворс и ножик острый
не оградят от круговерти —
пока не свят, в прицеле смерти.
Твои следы засыпят дустом,
и вспомнишь ты о прошлом... Грустно?

Не грустно? Нет? Так от порога
вдыхай дорожную мороку.
Окрест тебя песок да камень,
взовьётся пыль под башмаками...
Куда идти? — молчит оракул,
и ни намёка... и ни знака...

Всё в общем: много слов туманных
о скорой перемене планов,
о том, как кружит вихрь песчаный
сердца... без злобы... без пощады...
О том, что есть в любом узоре:
смотрящий в небо, небу вторит...

О том, что просветлённый разум
поймёт запутанную фразу,
расслышит голос чистый в хоре...
...не всё в словах, но всё во взоре...

Об остальном молчит оракул,
но, догорая, молвит факел:

«В ночь помни, что читал при свете!..»
Дни снова расставляют сети,
и вновь проносятся пред взглядом
дороги, города, ограды...

Археолог (возвращение забытого)

1.

Как ручьи превращались в реку,
как река бороздила сушу,
поднимая пространству веко,
обращая безмолвье в уши,

покидали мы городища,
уходили мы от раскопок,
не постигнув: чего мы ищем,
на одеждах стоянок копоть.

Всё в округе дышало – знало,
наблюдая за нами жадно,
как глядят знатоки из зала
мельтешню мотыльков эстрадных.

Расступались пред нами горы,
сотворив коридор спасенья,
так однажды разверзлось море
перед посохом Моисея.

И вещал Археолог – Главный:
«Ныне Древность идёт по следу,
миг за мигом, глотая лавой,
день за днём, опуская в Лету».

Продолжал Археолог скалясь:
«Что скажу сейчас – непомерно,
но за нами идёт наскальный
человечек из мглы пещерной.

Всё что будет – изнанка знаний.
Мы так долго играли в прятки,
для всего у нас есть названия,
наступающие на пятки...

А теперь мы бежим. Но кто мы?
Только миг, а за нами – эра.
Нас проглотит бездонный омут —
человечек со стен пещеры.

Нас учили и обручили
с этим временем в тех столетях.
Остаётся смириться или
жаждать вечности, нет – бессмертья...»

Говорил он изящно, плавно

и умолк, как вода и ветер,
всё открыв, он устал быть главным,
равным стал он горам и свету.

3.

А восток наливался алым —
небеса открывали ставни.
Я услышал: земля дышала,
и лениво шептались камни.

И когда прозвучало утро,
с сердца снял я тяжёлый обруч,
засветился он перломутром,
а распался живою коброй.

И, поверить глазам не смея,
я глядел – вверх летит витками
ОБРУЧ – ЛУЧ мой небесным змеем,
и промолвил я тихо: «Аминь».

Я вернул то, что взял когда-то:
Древу – яблоко, Небу – змея»,
И возникла тропинка Сада,
и вошёл я в его аллею.

Ловец Луны

Ловец Луны с фонариком китайским
забрасывает в небо свою сеть
и пляшет по вершинам Гималайским
с желанием услышать и пропеть

когда-то наречённые созвучья —
мелодию заветную одну,
и незаметно Небо его учит,
и лунная форель уже в плену,

от тонкого серпа до Светлой девы
она растёт и обретает вес,
и вот – росток Божественного сева
и мудрость от окраины небес,

и замирает он – Ловец печали,
и шепчет он, едва слышит зов:
«О, Чары-Чар, свечение Начала
я ощущаю цепью позвонков...»

Тень

Отчётливо чёрная тень проступает —
Слепая вербует слепых
и лапает зрячих, и очи копает,
овации просит за «пых».

А люди танцуют, смеются, играют!
Прервите, прошу, этот сон,
где чёрная тень ворожит веерами
кинжалов, закрыв небосклон.

Ах, если б зарыться, исчезнуть — не видеть
того, кто не видит себя —
с готовностью океанических мидий
в желудки идут второпях.

Закройте глаза малым чадам и жёнам,
сейчас совершится обряд,
но, Зрячий, останься, ведь ты посвящённый
Зарёю глядеть на закат.

Параллельный марш

Мы идём воевать —

мы идём уби...

— Мы идём воевать —

мы идём уми...

...вать!

...рать!

— Мы идём побе...

— мы идём поги...

...ждать!

...ать!

— Будет день полыхать,

и знамёна алеть —

будем жизнь мы вдыхать!

— Ну, а мы вдохнём...

— Будем жизнь мы вдыхать!

— Ну, а мы...

Сентябрьский джаз

Ах, как руки свивались, как в танце безумном,
лунный день бередил твою суть серебром,
и, срываясь, летел в бездну голосом трубным,
и дыханье рвалось, словно нож под ребром,

а как ночь рассыпалась в рассвете холодном,
а как горечь и счастье росли по часам,
и то в небо душа, то ныряла в болото,
то блуждала по жёлтым сентябрьским лесам,

как влекли за собой лабиринты мгновений,
где пытались года, нет, века уместить,
и, нахлынув, топил сонм цветных наваждений,
сердце билось, спешило и жаждало жить...

Разливалась безмолвно по миру молитва,
и в объятьях воды утомился огонь...
И карабкался мир, вновь сползая по бритве,
и лучи всех светил умещались в ладонь.

Попытка прозрения

Мерещатся вещие старцы
и карцер
вчерашнего дня,
и скалы слепящего кварца,
и флюгер, кружащий меня,

и с шумом ворвавшийся Вестник
из леса
Великих Вестей,
и песни расшатанных лестниц,
и месть незарытых костей.

Но кажется, где-то, напротив —
в болотах,
рождающих сон,
какой-то бесцветный, бесплотный
прервал летаргический сон.

Он смотрит... Он слушает сушу
разбужен
моею тоской,
и вот, покидая подушки,
своей безразмерной рукой

он тянется, весь — расстояние,

сквозь зданья
напротив – ко мне,
вторгаясь в моё подсознание,
как холод в прожилки камней.

Он весь образуется в руку,
без звука,
ладонь его – глаз,
он пьёт мою старую скуку
и требует новой – сейчас!

Но вот пресыщается. С ленью
течением
уходит в песок...
А Вестник растаял виденьем,
а флюгер глядел на восток.

«Всё оплачено плачем...»

1.

Всё оплачено плачем,
и на чашах весны
легковесны удачи,
а утраты верны,

потому что уж точно
не забрать пустоты
ни ледышкам барочным,
ни потокам воды.

Пей, расплавленный солнцем,
этот воздух зимы,
пей, от края до донца —
поминаньем немым,

потому что то явно,
что ушло и уйдёт,
но окажется главным —
не вошедшее в счёт,

и покажется точным
произвольный ответ,
и наметится точка,

а за ней ещё две...

2.

А в весеннем разгуле,
раздражая курок,
направление пули
выверяет стрелок,
может костью игровой
завтра сбросят с доски —
все полёты летальны,
но в щедротах тоски

тоже есть своё злато
или зло ремесла,
нам резцами утраты
оголяют тела,

и стоим мы нагие,
как и создал Господь,
первородной стихии
обнажённая плоть.

«Замело мою горницу ржавой листвой...»

Замело мою горницу ржавой листвой,
я хотел улизнуть, да заметил конвой,
я хотел откупиться, да вышел кредит,
и теперь верный сторож за мною глядит.

Разговоры пусты, он не слышит слова,
но когда я к двери подойду и едва
прикасаюсь к замку или звякну ключом,
он меня отгоняет огромным крылом.

На часах моих день, а на улице тьма
загрывает дороги в свои закрома,
обещает июль отрывной календарь,
а в окошко, мне кажется, дышит январь,

и, прижавшись к стеклу, наблюдает мой страж,
как мешаю я краски, беру карандаш,
и на жёлтой стене разноцветным пятном
появляется нечто, скорее окно —

от угла до угла, в человеческий рост
предзакатное небо, и капельки рос
отражают его, и, в объятья маня,

предрассветные девы глядят на меня,

фоном горы встают из сосновой коры...

Так готовят подкоп – так вскрывают нарыв.

Оживёт незаметно оконный проём,

и нырну я в него, и оставлю сей дом.

«За этот год я не сошёл с ума...»

За этот год я не сошёл с ума,
но в зеркало безумное взирая,
я к этому приблизился весьма —
стоял у края,

где все слова, сорвавшиеся с уст,
в плоть обращались в полудневном свете...
Я в этот год попробовал на вкус
напиток смерти,

и верно всё, что можно совершил
за этот год, ещё незавершённый,
и вот теперь: я глиняный кувшин
опустошенный.

Пробуждаясь

Скорей, из духоты ночлега —
забыть трактирный карнавал
и всё, что слышал, все слова!
Но вспомнить Альфу и Омегу

любых событий и предметов,
изнанку судеб, смысл звена,
не называя имена —
лишь образы и гаммы света.

Пронзает странная отвага,
когда вершится первый шаг...
Вы слышите: запел очаг —
так весело горит бумага,

о чём-то спорят постояльцы
сей жизни. Непонятно им:
отсюда не уйти живым
ни королю и ни скитальцу,

ведь притяжение земное
существенно для наших тел.
Вы видели, как он летел
в чинах, с опухшею казною?..

А огонёк свечи сорвётся
и испарится – воспарит
уйдёт по эллипсам орбит
туда, откуда родом солнце.

Всё начинается, как танец,
всё поднимается со дна,
и, проходя сквозь времена,
теряют плотскость наши ткани...

Ещё не справиться с очами,
так непомерна тяжесть век,
когда покинув свой ночлег
столкнёшься с первыми лучами.

«Я поставлю за твоё здравие свечку Господу...»

Я поставлю за твоё здравие свечку Господу,
попрошу Его о самом простом:
чтоб спалось сладко тебе и чтобы елось досыта,
чтобы Ангелы берегли твой дом.

И, наверное, за тридевять земель от города
и церкви, где бьется, треща, свеча,
полетит огонёк над простором холода
и от холода нырнёт в твой очаг...

«Опять звенит сентябрьская листва...»

Опять звенит сентябрьская листва,
и августейший звездопад растаял...
...вновь поиски небесного тепла...
...игра без слов, и проигрыш без правил.

Сегодня, возле парка, на углу
я встретил осень, осень улыбалась,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.